

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.	4
Пролог. Комната, полная зеркал	18
Ливерпуль, Великобритания, 9 апреля 1967	
Глава 1. Лучше, чем прежде.	26
Сиэтл, Вашингтон, январь 1875 – ноябрь 1942	
Глава 2. Ведро крови.	37
Ванкувер, Британская Колумбия, 1875–1941	
Глава 3. Умен не по годам.	48
Сиэтл, Вашингтон, сентябрь 1945 – июнь 1952	
Глава 4. Черный Рыцарь.	66
Сиэтл, Вашингтон, июль 1952 – март 1955	
Глава 5. Джонни Гитара	74
Сиэтл, Вашингтон, март 1955 – март 1958	
Глава 6. "Tall Cool One".	89
Сиэтл, Вашингтон, март 1958 – октябрь 1960	

Глава 7. Spanish Castle Magic	106
Сиэтл, Вашингтон, ноябрь 1960 – май 1961	
Глава 8. Дикий брат.	117
Форт Орд, Калифорния, май 1961 – сентябрь 1962	
Глава 9. Охотник за головами	131
Нашвилл, Теннесси, октябрь 1962 – декабрь 1963	
Глава 10. Мир Гарлема.	145
Нью-Йорк, Нью-Йорк, январь 1964 – июль 1965	
Глава 11. Воздушные замки.	157
Нью-Йорк, Нью-Йорк, июль 1965 – май 1966	
Глава 12. Мой трудный ребенок.	171
Нью-Йорк, Нью-Йорк, май 1966 – июль 1966	
Глава 13. Черный Дилан.	185
Нью-Йорк, Нью-Йорк, июль 1966 – сентябрь 1966	
Глава 14. Дикарь с Борнео.	199
Лондон, Великобритания, сентябрь 1966 – ноябрь 1966	
Глава 15. Чувство свободы	217
Лондон, Великобритания, декабрь 1966 – май 1967	
Глава 16. Из слуха в легенду	237
Лондон, Великобритания, июнь 1967 – июль 1967	
Глава 17. Черный шум.	254
Нью-Йорк, Нью-Йорк, август 1967 – февраль 1968	

Глава 18. Космотрясение новой музыки.	271
Сиэтл, Вашингтон, февраль 1968 – май 1968	
Глава 19. Первый на Луне.	287
Нью-Йорк, Нью-Йорк, июль 1968 – декабрь 1968	
Глава 20. Музыка Электроцеркви	304
Лондон, Великобритания, январь 1969 – май 1969	
Глава 21. Счастье и успех	318
Торонто, Канада, май 1969 – август 1969	
Глава 22. The Gypsy, Sun and Rainbows	336
Бетел, Нью-Йорк, август 1969 – ноябрь 1969	
Глава 23. Запретный плод.	353
Нью-Йорк, Нью-Йорк, декабрь 1969 – апрель 1970	
Глава 24. Волшебный мальчик.	369
Беркли, Калифорния, май 1970 – июль 1970	
Глава 25. Грустный дикий ангел.	383
Остров Мауи, Гавайи, июль 1970 – август 1970	
Глава 26. История жизни.	399
Стокгольм, Швеция, август 1970 – сентябрь 1970	
Глава 27. Мой поезд приближается.	416
Лондон, Великобритания, сентябрь 1970 – апрель 2004	

Эпилог. Длинный черный «кадиллак»	441
Сиэтл, Вашингтон, апрель 2002 – апрель 2005	
Благодарности.	446

ОТ АВТОРА

Биографы часто проводят часы на кладбищах, переписывая в блокноты эпитафии. Но вряд ли кто-то из них наблюдает за тем, как раскапывают забытое захоронение. В отличие от вашего покорного слуги во время создания этой книги. Обнаружение могилы матери Джими Хендрикса было самым пугающим открытием за те четыре года, что ушли на написание «Комнаты, полной зеркал». И очень неожиданным. Это стало возможным только потому, что я просто не мог поверить, что в Мемориальном парке Гринвуд нет точного места захоронения Люсиль Хендрикс Митчел. Я приставал к администрации кладбища до тех пор, пока они наконец не отправили работника, вооруженного лопатой и старой картой, на поиски полуразрушенного надгробия. Биографы, которые пишут об умерших, в каком-то смысле тоже раскапывают могилы, а затем, подобно доктору Франкенштейну, пытаются хоть ненадолго, но вернуть своих героев к жизни на страницах книги. Обычно наша цель — воскресить персонажа, а не искать останки и древние гробы. Невозможно подготовиться к моменту, когда ты стоишь в кладбищенской грязи и с ужасом наблюдаешь за тем, как смотритель втыкает в землю лопату, словно небрежный археолог.

Если в этом приключении и был смысл, то он заключался в том, что зарождение этой биографии произошло на том самом кладбище три десятилетия назад. Будучи фанатом-подростком, я пришел в Мемориальный парк Гринвуд в нескольких милях к югу от Сиэтла, чтобы отдать дань уважения одной из легенд музыки. Как и любой другой паломник, я прокручивал в памяти слова своих любимых песен: “Purple Haze”, “Wind Cries Mary” и “All Along the Watchtower”, блестящего кавера на Боба Дилана. Заслушанные до дыр альбомы The Jimi Hendrix Experience были саундтреком моей юности и юности всего поколения. Отец столько раз слышал “Electric Ladyland” через стену, что точно знал, в какой момент начать барабанить в мою дверь — до того, как Джими Хендрикс впервые нажмет на педаль фузз-бокса.

Тогда, стоя у могилы, я знал только несколько фактов из биографии Джими, но его жизнь была настолько скандальной и экстраординарной, что сразу же обросла мифами и легендами. Статьи 70-х годов, которые я читал ребенком, превращали Хендрикса в бога электрогитар, и этот культовый статус стирал в нем человека. Подобно плакату на моей стене, он стал флюоресцентным силуэтом с невообразимым афро на голове и свечением вокруг. Казалось, его нельзя познать, словно он пришелец с другой планеты. Отчасти эта загадочность была результатом его гениальной игры, которая и десятилетия спустя не имеет равных, отчасти — следствием тумана, который старательно напускала вокруг него звукозаписывающая компания.

Эта книга — результат четырех лет работы и 325 интервью, попытка взломать этот код и превратить флюоресцентный постер звезды в портрет живого человека. Хотя формально я начал работу в 2001 году, по сути, я создавал эту книгу где-то на подкорке сознания с того самого первого визита

на кладбище в 70-е. Как писатель, специализирующийся на музыке Северо-Запада США, я всегда видел в биографии Джими Хендрикса тему, за которую однажды возьмусь, точно так же, как начинающий актер знает, что его ждет заветная роль в пьесе Шекспира.

Впервые я написал о Джими в начале 80-х годов, когда были предприняты первые попытки создать его мемориал в Сиэтле. Несмотря на великолепные идеи (предлагалось создать парк или переименовать улицу), проект пал жертвой кампании по борьбе с наркотиками «Просто скажи "нет"», которая развернулась в те годы. Один телевизионный комментатор утверждал, что любая дань памяти Джими — романтизация «наркомана». Истерия свела на нет все усилия, и в результате компромиссом стал именной камень с подогревом в зоне Африканской Саванны в зоопарке Сиэтла. Это побудило меня написать статью, в которой я называл этот камень расистским и ксенофобским свидетельством того, как игнорируется музыкальное наследие афроамериканской культуры в преимущественно белом Сиэтле. Мемориал в виде камня (я проверил, он стоит до сих пор, но уже без обогрева — он сломался) сделал могилу Джими Хендрикса еще более важной точкой паломничества: мало кто счел зоопарк уместным местом для оплакивания или почитания Джими.

С Элом Хендриксом, отцом Джими, я познакомился в конце 80-х — тогда я брал у него несколько интервью об истории и наследии его сына. Один из моих первых вопросов касался могилы Джими: «Почему на надгробии самого известного в мире гитариста-левши выгравирована гитара для правой?» Эл сказал, что это была ошибка создателей монумента. Он был не из тех, кто вдавался в детали, особенно когда речь заходила о его покойном сыне.

Эл оказался добрым человеком, он пригласил меня в свой дом — в некотором смысле придорожный мемориальный

музей Джими. Ни один родитель не хочет хоронить ребенка, но Элу было предначертано судьбой пережить своего первенца на три десятилетия. Все стены в доме увесили золотые диски и фотографии Джими. Среди семейных снимков Джими в младенчестве или в армейской форме нашлось несколько изображений, которые можно встретить в любом фанатском коллаже 60-х: Джими сжигает свою гитару на сцене поп-фестиваля в Монтерее; Джими в белой тунике с бахромой на сцене Вудстока; Джими в бархатном костюме с бабочками на острове Уайт. На стенах было несколько фотографий брата Джими, Леона, и, как ни странно, гигантская картина покойной немецкой овчарки Эла. На стене в подвале висел знакомый плакат с флюоресцентным богоподобным Джими — такой же, как был у меня в подростковые годы.

Я так ни разу и не спросил у Эла Хендрикса о том, почему могила матери Джими была утеряна почти на пятьдесят лет, — Эл умер в 2002-м. За годы работы над «Комнатой, полной зеркал» как минимум пять героев моих интервью скончались, включая бас-гитариста The Jimi Hendrix Experience Ноэля Реддинга. Я разговаривал с ним дюжину раз, и мое интервью с Ноэлем за две недели до его внезапной кончины в мае 2003 года стало, по сути, последним разом, когда он рассказывал свою историю, — осознание этого отрезвляло. Несколько раз за время написания книги я чувствовал, что эпоха Джими постепенно исчезает, и ее недолговечность делала мое исследование еще более глубоким и всесторонним.

И все же во время многих бесед и во многих местах, которые я посещал, Джими Хендрикс казался живым, я почти ощущал его дыхание. На Джексон-стрит в Сиэтле, бывшем центре афроамериканской ночной жизни, среди витрин магазинов, что пятьдесят лет назад были клубами, в которых выступали такие таланты, как Рэй Чарльз, Куинси Джонс и Джими, еще были свежи в памяти воспоминания о той жизни. На

пустыре вниз по улице от 23-й авеню стоит дом, в котором вырос Джими; его сохранили для потомков. Остановитесь у цветочного магазина на углу, и пожилые дамы за прилавком вспомнят Джими из начальной школы Лещи. В «Старбаксе» через дорогу каждое утро пьет кофе седой джентльмен, который однажды танцевал джиттербаг с Люсиль, мать Джими. А в доме престарелых на углу в инвалидном кресле сидит 88-летняя Дороти Хардинг, она рассказывает о той дождливой ночи, когда Джими появился на свет, и о том, как была его няней.

В афроамериканском сообществе Сиэтла большинство знали и знают Джими Хендрикса как Бастера, по его семейному прозвищу. В этой книге его часто называют так, особенно члены его семьи. Я же взял на себя смелость писать так, чтобы избежать путаницы с Джимми Уильямсом, лучшим другом детства Джими, который часто появляется в истории. Хендрикс стал использовать написание «Джими» только в двадцать два года, но даже тогда он по-прежнему оставался Бастером для большинства знакомых из Сиэтла.

Поиски Бастера множество раз приводили меня на Джексон-стрит, а также в темные закоулки Лондона, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Гарлема, Гринвич-Виллидж и еще десятков мест по всему земному шару. Я побывал в залитых пивом танцевальных клубах Северной Англии, где однажды выступали The Experience, и в сырых подвалах Сиэтла, где подросток Джими Хендрикс практиковался в игре на гитаре с соседскими мальчишками. Я был в пыльных архивах переписи населения и на кладбищах вроде Гринвуда, где наблюдал за тем, как лопата наконец попала в кирпичный надгробный памятник Люсиль Хендрикс, заросший землей на фут (примерно 30 см. — Прим. пер.). Когда земля упала с лопаты, место могилы матери Джими было найдено впервые за несколько десятилетий. Когда Леон, брат Джими, впервые уви-

дел отметку, указывающую на место погребения матери, он зарыдал. Леон никогда не знал точного места захоронения.

В подвале была еще одна памятная вещь Джими Хендрикса, почему-то она стояла в углу среди других предметов, и обнаружить ее удалось бы только самым преданным фанатам. Это было зеркало размером два на четыре фута (где-то 0,6 x 1,2 м. — Прим. пер.), которое сделал Джими. Эл был не силен в датах, но Леон сказал, что брат создал его примерно в 1969 году. «Оно стояло в его квартире в Нью-Йорке, — вспоминал Леон. — Его отправили к отцу после смерти Джими». Внутри рамы находилось пятьдесят с лишним осколков, вставленных в глину ровно в том положении, в котором они остались бы в разбитом зеркале. Все осколки были направлены в центр, где находился невредимый круг размером с тарелку. «Это, — говорил Эл Хендрикс, доставая творение в духе Сальвадора Дали из шкафа, — «Комната, полная зеркал» Джими».

“Room Full of Mirrors” («Комната, полная зеркал») — название песни, которую Хендрикс начал писать в 1968 году. Он создал несколько набросков и записал пару дублей. Песня никогда не была официально выпущена при жизни Джими, но он собирался включить ее в свой четвертый студийный альбом. Эта песня дает понять, что Джими имел невероятное чувство самосознания и сверхъестественную способность выражать свои эмоции через музыку. В то время как публика на концертах Хендрикса шумно требовала его виртуозной игры на гитаре и хитов вроде “Purple Haze”, сам Джими больше тянулся к меланхоличным и задумчивым песням наподобие “Room Full of Mirrors” или исполнению блюзовых мелодий, на которых он вырос.

Песня “Room Full of Mirrors” рассказывает о человеке, который застрял в мире саморефлексии, настолько сильной, что она преследовала его даже во снах. Он смог спастись,

лишь разбив все зеркала, и теперь, раненный осколками стекла, ищет «ангела», что подарит ему свободу. Помня о физическом воплощении этой идеи — разбитом зеркале, которое отец Джими держал в подвале, — нельзя не задуматься о том, насколько глубоким человеком был создатель этой песни, и не подумать о дне, когда Джими Хендрикс глядел на пятьдесят осколков собственного отражения в этом произведении искусства. «Всем, что я мог видеть, — пел он, — был я сам».

— Чарльз Р. Кросс
Сиэтл, Вашингтон
Апрель 2005

Пролог

КОМНАТА, ПОЛНАЯ ЗЕРКАЛ

Ливерпуль, Великобритания
9 апреля 1967

«Я жил в комнате, полной зеркал,
Всем, что я мог видеть, был я сам».
Джими Хендрикс, "Room Full of Mirrors"

— Простите, парни, но я не могу вас обслужить. Правила, сами понимаете.

Эти слова сорвались с губ старого сварливого перечника за стойкой, чьи руки дрожали во время разговора. Сказав это, он тут же отвернулся и стал наливать пинту пива (около 0,57 л. — Прим. пер.) другому посетителю. Он бросил на них такой беглый взгляд, скорее окинул краем глаза, что двое мужчин, стоявших перед барной стойкой, понятия не имели, почему не могут выпить. Это было странно, потому что паб, в котором они оказались, был типичным английским пабом, готовым обслужить каждого: детей, пьяниц, что уже не держатся на ногах,

сбежавших каторжников в кандалах. Главное, чтобы в руках у них был фунт стерлингов.

Одним из мужчин, которым отказали в обслуживании, был 21-летний Ноэль Реддинг, басист группы The Jimi Hendrix Experience. Ноэль родился в Фолкстоне, городе на юго-восточном побережье Великобритании, и провел всю свою жизнь в пабах среди раздраженных барменов. Ему никогда не отказывали при заказе напитка, разве что после закрытия. Но закрываться еще было рано, и Реддинг не мог понять, что заставило бармена так отреагировать. «Честно говоря, в какой-то момент я подумал, что этот малый ненавидит наш сингл "Hey Joe"», — вспоминал он годы спустя.

И у Ноэля, и у его компаньона, Джими Хендрикса, вокруг шей были обернуты фиолетовые шарфы, а на головах, подобно ореолу, громоздились кипы вьющихся волос. Ноэль носил ярко-фиолетовые расклешенные брюки, а Джими — обтягивающие штаны из винно-красного бархата. Еще Джими был одет в вычурную свободную блузу с пышными рукавами и оборками на груди, а поверх куртки был наброшен черный плащ. Так одевались лишь актеры исторических драм XVIII века и рок-звезды. Тем не менее и Ноэль, и Джими выглядели достаточно эпатажно в сотне других пабов, но их ни разу не выставляли за дверь. В Лондоне обычно было наоборот: как только их узнавали, с ними обращались как с особами королевских кровей, как с объектами обожания.

Великобритания определенно начинала влюбляться в Джими, которому в том году исполнилось двадцать четыре года. За шесть месяцев, что он прожил в Англии, он стал почетным гостем многих пабов, и даже любимый всеми Пол Маккартни однажды купил ему пинту пива. Джими наблюдал, как легендарные музыканты, которых он долгое время боготворил, — Эрик Клэптон, Пит Таунсенд и Брайан Джонс из The Rolling Stones — приняли его в свое ближайшее окружение не только как равного,